

ВСЕСВІТНЯ ІСТОРІЯ

Е.В.Мальшина

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА МАЙЯСКИХ ГОСУДАРСТВ В ИСПАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVI-XVII вв.

Великие географические открытия конца XV – начала XVI вв. произвели огромное впечатление на современников. В Испании, сыгравшей особую роль в открытии земель западного полушария, с этого времени появляется целая плеяда авторов, описавших открытие и завоевание Нового Света. В исторической литературе за ними закрепилось собирательное наименование “хронисты Индий”. Их сочинения прочно вошли в научный оборот: начиная с эпохи Просвещения они широко используются в качестве важнейших источников историками различных направлений, исследующими открытие и завоевание Америки, этнические процессы и другие аспекты американской истории.

Повествуя обо всей Центральной Америке, параллельно они сообщали интересные сведения на региональную тематику, в том числе и о полуострове Юкатан и населяющих его майя.

В группу старших хронистов войдут крупнейшие историки Индий – Бартоломе де Лас Касас (1474-1566) и Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес (1478-1557), а также Берналь Диас дель Кастильо, участник походов Эрнандо Кортеса в Мексику. Эти люди, оказавшиеся в числе непосредственных участников или свидетелей завоевания Нового Света, добывали сведения сами в ходе своей деятельности в Западном полушарии.

Из группы хронистов младшего поколения мы выделим Франсиско Лопес де Гомара (1510-1598), Франсиско Сервантес де Салазар (1514-1575) и Диего де Ланда (1524-1579). Их сочинения во многом еще сходны с предыдущими, но их уже отметила печать компилятивности. Причина такого изменения в том, что к этому периоду многие этнические группы Нового Света были истреблены, а быт и культура уцелевших народов предстали перед ними в известной степени измененными под действием колонизации. Среди младших хронистов одни в Новом Свете были лично (как Ланда), другие там никогда не бывали.

С каждым последующим поколением в трудах хронистов усиливается компилятивность. Из авторов конца XVI – начала XVII вв. стоит упомянуть таких известных историков, затронувших проблемы Юкатана, как

Хосе де Акоста (1539-1600), Антонио Эррера-и-Тордесильяс (1559-1626), Хуан де Торкемада (1565-1624), Антонио де Ремесаль (1570-1619), Антонио Васкес де Эспиноза (1570-1630), Бернандо де Лисана (1575-1631), Педро Санчес де Агиляр, Диего Лопес Когольюдо (ок. 1612-1665), Алонсо Понсе и его секретарь Антонио де Сюдад Реаль (1571-1617), Андрес де Аведаньо-и-Лойола и Франсиско де Элорса-и-Рада (конец XVI – начало XVII вв.), Франсиско Антонио Фуэнтес-и-Гусман (XVII в.). Их труды – почти полная компиляция.

Сочинения всех испанских хронистов проникнуты осуждением язычества, а вместе с ним и всего индейского. Исключение составляют труды Лас Касаса, защитника индейцев. Главное же достоинство их не только в обилии сообщаемого фактического материала, но и в сохранении в компилятивном виде утраченных исторических трудов и документов, особенно учитывая, что из памятников письменности американских туземцев почти ничего не сохранилось.

К испанской историографии можно отнести и словари, составленные во второй половине XVI в. монахами для своих вновь прибывших собратьев по религии с целью более успешной христианизации местного населения. Ценность их велика, так как лексикон и комментарии составлены со слов и с помощью индейцев доколумбовой эпохи.

Все свидетельства эпохи Конкисты, полученные от индейцев или благодаря собственным наблюдениям испанцев, в основном касаются времени, непосредственно предшествующего Конкисте, т.е. XIII-XVI вв. Лишь немногие из авторов (как Ланда) ставили целью заглянуть в прошлое этих земель более глубоко. В силу этого, сочинения хронистов могут быть использованы только для воссоздания исторической обстановки постклассического периода X-XVI вв., наступившего после завоевания майяских владений тольтеками. Затронутые нами аспекты административной системы майя продиктованы отрывочностью изложения хронистами сведений об общественно-политической жизни и государственном устройстве майя. Поэтому необходимо рассматривать их свидетельства в тесной связи с археологическими источниками.

Административную систему в майяском обществе возглавлял верховный правитель – *халач виник* (майяск. – “настоящий человек”). В испанских документах он часто называется “сеньором”, “губернатором”. Составитель майя-испанского словаря из Мотуля монах Антонио де Сюдад Реаль дает такое толкование этому слову: “епископ, верховный судья, губернатор, глава или комиссар всех монастырей провинции” [17, p. 458].

В разных источниках мы встречаем утверждение о том, что халач виники в одном государстве всегда принадлежали к единственной правящей династии. Должность эта, следовательно, была наследственной и

передавалась по отцу по прямой линии старшему сыну, по свидетельству Ланда, реже – мужу дочери [9, с. 120, 147]; бывали и другие отклонения, о чем говорит “Родословное древо” династии Тутуль Шив, правившей в провинции Мани [22, р. 120]. Правители некоторых династий имели титул “ахав” (майяск. – владыка). В словаре из Мотуля это слово переводится как “король” или “император, монарх, знатный или великий сеньор” [17, р. 71]. К моменту завоевания этот титул носили правители трех династий – Коком, Печ, Чель. В колониальный период этот титул стали применять к испанскому королю. Все правители, особо отличившиеся военачальники, верховные жрецы получали титул “ягуар”, а трон правителя носил название “циновка ягуара”.

Почти все правящие династии вели свое происхождение от бога Ягуара, он считался их покровителем; его шкура, голова, когти служили символами верховной власти. Археологические источники дают нам полный набор атрибутики царской власти майя. Это “узел закутанного величия” [10, с. 112-113], т.е. священный тюрбан с реликвиями, скорее всего, с мощами предков правителя. Это богатейший головной убор, полностью состоявший из набора символов и являвшийся главным показателем фратерниальной, родовой и семейной принадлежности, социального ранга и боевых заслуг. Халач виник выделялся богатством нефритовых украшений, в том числе пекторалью в виде знака “ла” – “владыка” [1, с. 73].

Анализируя известные изображения правителя в искусстве майя, дополним этот список: в торжественных случаях халач виник держит в руках щит с маской бога солнца и скипетр или жезл. Скипетр – это короткая украшенная богатой резьбой палка с антропоморфной фигуркой бога на верхнем конце и змееобразной изогнутой ручкой на нижнем [3, с. 29]. Исторический эпос одного из племен майя-киче “Пополь Вух” называет его “канхел”, из другого эпоса киче “Анналы какчикелей” мы узнаем, что он мог быть разного цвета, и ему приписывались разные магические свойства [14, р. 54-55]. Мистический характер имели и другие атрибуты власти.

По свидетельству Когольюдо и Лисаны, власть халач виника была абсолютной [25, т. IV, р. 4] и почиталась наравне с богами. Кроме общего управления своим государством и руководства внешней политикой, он выполнял и некоторые религиозные функции. В словаре из Мотуля, как уже упоминалось, термин “халач виник” имеет и религиозную окраску: он характеризуется как “провинциал (духовное лицо, возглавлявшее монастыри провинции), или комиссарио (разъездной инспектор по соблюдению религиозных правил)” [16, р. 485].

Правители майя всегда подчеркивали свою связь с богами. Сами они по майяским религиозным представлениям имели божественное проис-

хождение, что подтверждается в трудах Ланды [9, с.163], а также Торкемады, где фиксируется вера майя в божественных предков правителей: “Они говорят, что от Кукулькана (бога Пернатого Змея) произошли короли Юкатана” [30, т.II, р.52]. Богами они продолжали оставаться и после смерти. Над их гробницами строили храмы, почитались их статуи. На монументах и рельефах фигура халач виника изображена в большем масштабе, чем остальные [3, с.215].

Наличие сакрализации царской власти мы видим и в пышном погребальном обряде и ряде сопровождающих его ритуалов. Испанские хронисты составили нам подробные описания похоронных церемоний у различных племен майя. Священник Роман-и-Саморра наблюдал этот обряд в департаменте Альта Верапас (горная Гватемала). После смерти правителя, “когда наступал день похорон, собирались все сановники и вожди, которые приносили с собой драгоценности и другие дары, а также не менее одного раба женского и мужского пола, предназначенных для принесения в жертву... И они клали все драгоценности на тело умершего. Затем покрывали его множеством плащей, плотно закутывали его в них и помещали в большой ящик из дерева или камня в сидячем положении. После этого они делали в земле погребальную камеру, очень глубокую и просторную, и ставили туда этот гроб или ящик... Они убивали всех рабов, и женщин, и мужчин, которые прислуживали ему, так, чтобы они могли заботиться и в дальнейшем о своем господине в загробном мире. Затем все это засыпали землей и камнями и строили сверху каменный алтарь, на котором часто воскуривали благовония и совершали жертвоприношения” [3, с.214].

Лас Касас дал более подробное описание всех церемоний индейцев этого же департамента. Он дает интересную деталь: умершему клали в рот драгоценный камень, предварительно натерев им его лицо. Считалось, что таким образом сохранялась его душа [24, р.525].

Этот ритуал и верования, связанные с ним, родственные погребальной обрядности, практиковавшейся индейцами Новой Испании (Мексики). Лас Касас так описывает похороны правителя: “Прибывшие сеньоры и сановники приносили с собой перьевые султаны и богатые круглые щиты из золота и перьев, плащи, свои маленькие флаги из перьев и хлопка. Приводили также рабов, чтобы умертвить перед телом. Собравшись в месте, приводили в порядок мертвое тело, заворачивая его в 15-20 богатых плащей... и клали в рот камень, ценный изумруд. Перед тем как заворачивать тело, обрезали пряди волос с его макушки, в которых, как говорят, остается память его души, и день его рождения и день его смерти, и те волосы вместе с теми, которые были обрезаны, когда он родился, и которые сохранялись, клали в разрисованный ящик внутри фигур идолов.

На прикрытое тело с покрытым лицом клали раскрашенную маску и потом убивали раба. Украшали и одевали с оружием и с атрибутами тех богов, которые были наиболее почитаемы, и в чьем храме или дворе его хоронили. Затем сжигали его со смоляным факелом и благовониями. В то время, как тело сжигали, для успокоения души приносили в жертву большое количество рабов, в зависимости от достоинства умершего. Вынимали сердца и бросали в огонь, где горело его тело. И для сопровождения умершего и для охраны его в пути убивали собаку и мертвую клали впереди тела. Сжигали тела мертвых рабов, не соединяя с сеньором, а отдельно. На другой день брали пепел мертвого сеньора, соединяли с обрезанными волосами и с камнем, который лежал у него во рту, и клали внутрь ящика. Поверх ящика делали фигуру из дерева, которая изображала умершего сеньора, и перед ней совершали заупокойные молитвы... Каждый год поминали его перед ящиком, и с жертвоприношениями, ...и с фимиамом” [24, p.463-464].

Другой испанский хронист, Фуэнтес-и-Гусман, описал погребение правителя племени горных майя – покома: “После церемоний и прощальных слов они клали его в гробницу... Они готовили большой глиняный кувшин и помещали в него труп и различные драгоценности: золото, серебро, горный хрусталь, нефрит и перья птицы кецаль... Над гробницей насыпали из камней и земли холм, величина которого зависела от знатности умершего. Когда эта работа была кончена, ...они изготовляли статую умершего повелителя и с различными церемониями устанавливали ее на вершине холма, и туда приносили цветы, благовония, приносили в жертву птиц, зайцев и небольших зверьков, и данное место становилось с тех пор священным” [20, t.II, p.35].

Ланда, епископ Юкатана, делает краткое описание местных погребальных ритуалов: “Что до сеньоров и людей очень значительных, они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы, как показывают сделанные в древности, которые встречались в Исамале... Бывает, что пепел кладут в статуи, сделанные полыми из глины, если (умершие) были великими сеньорами...У сеньоров древнего рода Кокомов они отрубали головы, когда они умирали, и, сварив их, очищали от мяса; затем опиливали заднюю половину темени, оставляя переднюю с челюстями и зубами. У этих половин черепов заменяли недостающее мясо особой смолой и делали их очень похожими (на таких), какими они были при жизни. Они держали их вместе со статуями и пеплом и все это хранили в молельнях своих домов, со своими идолами, с очень большим почитанием и с благоговением. Во все дни их праздников они делали им приношения из своих кушаний” [9, c.163-164].

По мнению С.А.Токарева, сакрализация власти вождя, правителя проявлялась обычно в трех взаимосвязанных формах – “во-первых, в сверхъестественной санкции его авторитета, как опирающегося на магическую силу (мана), ...во-вторых, в почитании умерших вождей, превращающихся в сильных и опасных духов; в-третьих, наконец, в выполнении вождем ритуальных функций” [11, с.337]. Испанские хронисты свидетельствуют, таким образом, в пользу сакрализации власти верховного правителя майя.

Советником халач виника был верховный жрец. Большинство испанских документов XVI в. и исторических сочинений не обходят его фигуру своим вниманием. Однако четко его функции как советника нигде не определены [28, т.II, p.267, 322]. Известно лишь, что должность эта была наследственной: “Ему (верховному жрецу) наследовали в его достоинстве сыновья или наиболее близкие родственники” [9, с.114]. Титул его, как указывает Ланда и другие источники, был “Ах Кин Май или Ахав Кан Май, что означает жрец Май или великий жрец Май” [9, с.114]. Исследования показали, что термин “ах кин” означает “человек Солнца” и относился он ко всему слою жречества. Возможно, что информация Ланды не совсем точна и скорее связана с каким-то конкретным человеком с фамилией Май. Эта фамилия часто встречается у майя. Можно лишь выдвинуть предположение, что именно династия Май постоянно занимала пост верховного жреца, и титул постепенно включил в себя и эту фамилию.

Титул “Ахав Кан” означает в точном переводе “Великий король Змей”. Вполне возможно, что верховный жрец был имперсонатором нового бога, признанного в Юкатане во времена постклассического периода – Кукулькана, Пернатого Змея, главного бога тольтеков. Ю.В.Кнорозов считает, что это сокращенный вариант титула Ахав Канул, т.е. “страж владыки”; это можно было бы перевести и как “верховный страж” и таким образом истолковать одну из функций верховного жреца. Однако прочие источники говорят лишь о чисто административно-религиозных действиях верховного жреца.

На разных этапах развития государственности майя у халач виника было от одного до трех соправителей. В классический период, отмеченный существованием полихромной керамики, существовали три соправителя, которые играли серьезную роль в администрации майя. В изображениях на культовых сосудах они сидят по правую руку от владыки, участвуют во всех событиях; богатством одежды и украшений эти три сановника практически не уступают правителю. Упоминание подобной комбинации встречается в источниках колониального времени. Из испанских хронистов, зафиксировавших это явление, можно упомянуть Франсиско де Элорса-и-Раду. В своем повествовании о последних днях жизни

островного государства Тайясалъ, павшего под ударами конкистадоров только в 1697 г., Элорса говорит о существовании “четырёх царьков” в этом городе-государстве [18, *p.*30-34].

Объяснение этому явлению можно найти в эпосах племен майя-киче, а также в ритуале и образах некоторых богов. Здесь нашли отражение этапы сложения государства и структуры власти в нем. Первоначальные этапы запечатлены прежде всего в эпосе “Анналы какчикелей”. Наиболее архаичная система управления и смены власти выглядит примерно так. Четыре основные фратрии возглавляются вождями, среди которых одна пара – персоны наиболее важные: правитель и его “заместитель”, другая пара – подчиненные посты, главнокомандующий войсками (военный вождь) и казначей. Их родственные связи таковы: правитель и его заместитель – соответственно старший и младший сыновья предыдущего правителя, а военачальник и казначей – их кузены, сыновья брата правителя [14, *p.*54]. В тексте можно найти свидетельства о еще более раннем этапе, когда эти должности занимали представители всех фратрий поочередно.

Позже, видимо, вследствие описанной схемы замещения должностей, власть сосредоточилась в руках одной семьи и таким образом возникло право майората. Безусловно, что изменения системы наследования происходило в течение нескольких столетий, прежде чем к власти пришла одна династия. Зафиксированная в этом тексте схема была начальной фазой эволюции системы управления. На рубеже нашей эры, в период становления майяской государственности, в только что возникших городах-государствах, очевидно, сложившихся на территории различных племен майя, продолжали сохраняться сильные племенные традиции.

Отдельное племя формировало государство, и традиционная схема деления племени на 4 фратрии, связанные в религиозной символике со сторонами света, соответствующими им богами и цветами, сохранилась и в структуре администрации, и в культе, и в ритуале. Многие города, как указывают испаноязычные авторы, делились на 4 квартала (исп. – *бар-рио*) – Майяпан, Ушмаль, Ицамканак, Потончан и др. Во всех селениях Юкатана было четверо ворот, ориентированных по сторонам света [15, *p.*231]. У власти в классический период стояли четыре соправителя, в нижней администрации эта схема повторялась. Все основные должности в административном аппарате стали наследственными в определенных генеалогических родах, однако в ритуале сохранились явные свидетельства сменяемости главных сановников государства в период его возникновения, поскольку пантеон майя делился на божественные фратрии, и механизм передачи власти среди них подчинялся вполне земным, но более архаичным законам.

Первоначально божественные вожди сменялись по сезонам, полугодиям. Полугоди́чный период нашел отражение в ритуале выборов военного вождя – *накона* (зимнего и летнего). В ожесточенную борьбу за власть включаются четверо фратриальных вождей, не желавших уступать первенства друг другу и потому сменявшихся у власти каждый год. Это нашло отражение в астрономическом ритуале четырехлетнего цикла. В XVI в. ежегодную смену власти богов праздновали перед началом нового года в добавочные дни. Избрание правителя не обходилось без бурных сцен, и добавочные 4-5 дней в конце года до самой Конкисты считались зловещими. Ацтеки, например, на эти дни запирали женщин и детей, “чтобы они не превратились в диких зверей” [7, с.255]. Перед Конкистой на этом празднике выбирали нового главу селения для руководства новогодним ритуалом и всеми церемониями в течение года.

Каждый претендент на трон стремился узурпировать власть, для чего, помимо военной силы и политических интриг, требовались определенные теоретические обоснования. Их разработкой занимались жрецы – сторонники введения единого солнечного календаря. По образцу 4-летнего цикла был разработан более поздний вариант 20-летия, разделенного на четыре 5-летних правления. Далее жрецы обосновали продление власти правителя до 20 лет, разработав учение о 13 небесных богах, поочередно правящих миром во время 260 цикла.

Со времени последней реформы (начало VI в. н. э.) смена власти окончательно отошла в область мифологии. Лишь как отголосок этих древнейших традиций каждые 20 лет происходила торжественная церемония подтверждения власти уже несменяемого владыки от лица очередного бога-правителя, о чем повествует нам Когольодо [26, т.IV, с.4]. Подобным же образом и низшие чины администрации должны были каждые 20 лет проходить церемонию переутверждения при дворе.

Что касается соправителей, то традиция сосуществования четырех правителей переродилась в двухчленное верховное правление. Это явление описано несколькими испанскими авторами, так как оно было тесно связано с важным событием в истории юкатанских майя – государственным переворотом 1441 г. в Майяпане. Ланда, Сьюдад Реаль и Эррера, стоя на разных позициях, дают нам подробную картину окончательного разрушения этой традиции в процессе борьбы за власть двух династий, в результате чего остался лишь один правитель [17, т.II, p.479; 23, p.215; 9, с.118].

Приближенным к правителю лицом был *кальвак* (букв. “ускоряющий работу”). Ланда так описывает его обязанности: “Каждый сеньор назначал своего майордома; он носил в качестве отличительного знака толстый короткий жезл, называли его кальвак. Он ведал селениями и теми,

кто ими управлял. Они извещались о том, что было необходимо в доме сеньора, как-то птица, кукуруза... и другие вещи. Кальвак постоянно посещал дом сеньора, следил затем, что в нем было нужно, и тотчас снабжал этим, потому что его дом был как бы конторой сеньора” [9, с.114]. Видимо, кальвак занимался сбором дани с подвластных земель и приемом посетителей, т.е. был “министром финансов”. В словаре из Мотуля “ах кальвак” переводится как “тот, кто требует всяких вещей или любой работы” [16, р.75].

Непосредственную власть на местах осуществляли *батабы*. На должность батаба халач виник назначал угодных ему людей; по-видимому, она уже переходила в наследственную. Ланда отмечал: “Сеньоры... если были согласны, утверждали в тех же должностях их сыновей” [9, с.114]. Американский исследователь В. фон Хаген склонен видеть в этом свидетельстве возможность сравнения майяских батабов и итальянских подеста, чья должность была наследственной не *de jure*, а *de facto* [22, р.122]. Довольно часто в качестве батабов фигурировали родственники правителя; в провинциях Кех Печ, Сотута, Купуль значительное число батабов принадлежало к прямой линии по отцу правящей династии.

Должность батаба была пожизненной. Но, как отголосок старых племенных традиций, своеобразный пережиток прежней выборности батабов, существовал обычай, согласно которому, как уже упоминалось, все они в конце каждого 20-летия должны были являться к своему халач винику, где им устраивался своего рода экзамен, который должен был доказать их права на власть. Тексты этих испытаний были записаны в конце XVI в., в сильно искаженном виде. Необходимые для экзамена познания, по-видимому, включали мифологию, обычное право, религиозную символику, историю своего рода (или фратрии) и т.п., передаваемые устно от отца к сыну.

Испытуемые должны были знать тайный язык Суйва. Эти так называемые “слова Суйва” знали только в узком кругу аристократии; экзамен этот был удобным средством затруднить доступ в высшие слои государственной иерархии и избавиться от нежелательных подчиненных. Американский историк Р.Ройс считает, что это тольтекский язык, сохранившийся только в кругу высокопоставленных лиц, тогда как основная масса тольтекских завоевателей быстро ассимилировалась, лишь внеся некоторые лексические изменения в старомайяский язык [29, р.115].

Экзамен состоял из вопросов и ответов. Многие из задаваемых вопросов представляли собой замысловатые загадки. Например, халач виник требовал, чтобы испытуемый принес ему солнце, на котором сидит зеленый ягуар и пьет кровь. Знавший ответ преподносил ему яичницу с зеле-

ным перцем. Очевидно, эти испытания уже стали чисто формальным ритуалом ко времени испанского завоевания [9, с. 43].

Функции батаба в отношении своего селения полностью соответствовали функциям халач виника в отношении своего государства: он обладал административной, юридической и военной властью. Ланда писал, что при назначении на должность правители “поручали им поддерживать мир в своем селении, хорошо обращаться с простыми людьми и заботиться о работах, которые обеспечивали бы их и сеньоров” [9, с. 114]. Батабы “имели заботу распоряжаться постройкой и ремонтом домов своего селения, посевом всего, что нужно для пропитания и своевременной обработкой и возделыванием полей” [28, т. I, p. 80].

Батаб следил за своевременной уплатой дани правителю [10, с. 127, 128], т.е. в этом подчинялся кальяку. Он председательствовал в совете, состоявшем из нескольких, как правило четырех, наиболее влиятельных и богатых людей селения (ах куч кабов).

Власть батаба в пределах своего селения вряд ли можно считать абсолютной. Прежде всего он должен был выполнять все распоряжения халач виника, который назначил его на этот пост, и согласовывать свои действия с местными жрецами”, которым они (жители) подчинялись, хотя и не так, как батабам” [28, т. II, p. 182]. Жрец выступал в качестве главного советника и был предсказателем, оказывая значительное воздействие на умы и чувства жителей. Но главными ограничителями власти батаба выступали его советники ах куч кабы, представители богатой верхушки селения. Ланда сообщает, что главы кварталов обладали правом опротестования любого решения начальника селения [9, с. 44]. Поэтому батабу приходилось либо мало считаться с халач виником, либо подавлять сопротивление своих советников.

Уже упомянутые советники представляли собой наиболее низкую ступень административной лестницы. В словаре из Мотуля “ах куч каб” переводится как “знатный индеец, который имеет охранный отряд для сбора налогов и для других дел общины” [16, p. 75].

Таким образом, мы можем полностью представить себе иерархию чиновников в системе налогообложения: кальяк, батаб, ах куч каб. Как правило, кроме фискальных функций, ах куч кабы являлись главами кварталов города или селения, которых было четыре, независимо от величины поселения. Имеется лишь одно свидетельство более дробного деления города: в островном городе-государстве Тайясаль было 22 квартала, однако и в этом случае у правителя было четыре советника, о чем свидетельствует историк Элорса-и-Рада [18, p. 34].

Одной из функций батаба во время войны было командование отрядом воинов своего селения: “В прежние времена... у них был человек,

который командовал ими, как и теперь; это был тот, кого они называли батаб. Упомянутый был капитаном” [28, т.II, р.322]. Военные функции батаба подтверждаются и другими письменными источниками. Кроме него, был и другой военачальник – *након*, которого, по словам Ланда, избирали на три года, и в мирное время он выступал в качестве предводителя второго отряда воинов. В подчинении батаба и накона находились отряды профессиональных воинов. “Если не хватало этих, – пишет Ланда, – собирали еще людей, приводили в порядок и делили между собой” [9, с.157].

Таким образом, войска состояли из отрядов профессионалов и ополчения. В случае необходимости, очевидно, под знамена халач виника вставало все мужское население, пригодное к военным действиям. По сведениям монаха Аведаньо, государство Тайясаль племени ица в XVII в. могло выставить до 10000 воинов, или 1/4 населения, т.е. всех взрослых мужчин, способных держать оружие в руках [14, р.19-22].

Наконы, как и батабы, пользовались авторитетом и уважением со стороны власть имущих. В надписях на погребальных сосудах из селения Брод Ягуара крупный начальник награжден такими эпитетами: “защитник”, “копьемосец, почитаемый предводитель”, “почтенный военачальник” [1, с.77-78]. В административных совещаниях военачальники участвовали только в период военных действий.

Территориально-административное деление было практически однотипным во всех государствах майя. Первичной ячейкой майяского общества являлся большесемейный патрилокальный коллектив, или “домовая община”, т.е. хозяйство большой семьи, составляющий патриархальный род или входящий в него [5, с.4]. Наличие таких коллективов особенно заметно в ходе археологических раскопок городов: один обнесенный оградой дом включал в себя бытовые постройки от двух до пяти отдельных жилищ, в которых жили парные семьи. Здесь проживали от двух до пятнадцати человек. Но это недостаточно мощная единица для самостоятельного существования при том уровне развития производства. Поэтому домовые общины входили, как правило, в более крупное объединение по принципу соседства – сельскую общину [4, с.59].

Такая сельская община могла образовать собственное маленькое поселение либо войти в состав более крупного селения и стать одним из его четырех “кварталов”. И внутри малого селения, и внутри квартала существовало 4 “подразделения”, согласно традиционному делению племени на четыре фратрии. В зависимости от размеров селения, в нем могло находиться от одного до четырех храмов богам-покровителям кварталов, свой общинный дом и совет из представителей богатейших семей квартала (или мелкого селения) [15, р.230].

Судя по словарям XVI в., юкатанские майя употребляли для любого постоянного населенного пункта – от крохотной деревушки до многолюдного города – один и тот же термин “ках”, означающий селение. В словаре из Мотуля для обозначения понятия “город” используется термин “нох ках” – большое селение, а для деревушки – “чанчан ках” – малое селение [16, р.248]. Сравнительно поздно, примерно с XI в., после тольтекского завоевания, появилось слово “ич-паа” – крепость. Следовательно, как и на Древнем Востоке, у майя в доиспанскую эпоху не было еще терминологического противопоставления понятий “город” и “деревня”.

На основании археологических данных В.Гуляев пришел к выводу, что городом у майя можно считать то поселение, где имеется резиденция правителя и ведется счет по 20-летиям с помощью установления стел с описанием главных событий, происшедших за это время, т.е. столицу государства. Многие города-государства, или провинции, по выражению испанцев, имели не один крупный центр, а несколько. В провинции Мани, столицей которой был город Мани, с населением накануне Конкисты около 9 тыс. жителей, имелся и другой крупный город – Тикуль с населением более 7 тыс. чел. В провинции Сотута также имелся помимо столицы г. Сотуты (население около 7 тыс. жителей) еще 17 более или менее крупных селений, среди которых город Чомульна не уступал по общей численности населения самой столице – чуть менее 7 тыс. жителей [4, с.57]. Очевидно, их образование и укрепление связано с выгодными торговыми путями, на пересечении которых они расположены.

Столица была главным политико-административным, культовым и торгово-экономическим центром всего государства. Это прежде всего место пребывания главы администрации – халач виника и его двора, место расположения храмов городского божества и связанного с ним жречества. Здесь же концентрировались аристократические семьи, чиновники, воины, ремесленники и торговцы, обслуживающие нужды правящей верхушки. Столица делилась на четыре квартала, они в свою очередь – на меньшие подразделения. Например, столичный город Тайясаль, как уже упоминалось, имевший, по сведениям Аведаньо, население 24-25 тыс. чел. при общей численности населения государства Тайясаль более 40 тыс., делился на 22 района. Город был выстроен на близко расположенных островах, так что можно предположить, что такое деление пропорционально количеству островов. Каждый из районов имел своего вождя, ведавшего жертвоприношениями, собственное название (совпадающее с именем этого вождя) и свой храм бога-покровителя. Например, один из районов носил имя правителя государства Ах Канека [14, р.19-22].

Испанцы довольно часто в своих сообщениях называют кварталы города термином “пуэбло” – “территориальная община”, “государственное

образование” (например, в случае со столицей Акалана городом Ицамканак). И терминология и устройство этих кварталов вновь напоминает нам о следах общинно-племенной организации майя первобытной эпохи.

Столица служила центром притяжения всех селений в округе. Об этом говорит Овьедо, описывая провинцию Чикинчель: “И это селение, или город, называется Чуака, и все окружающие его земли принадлежат его правителям и горожанам и торговцам... и окрестные поселения являются подданными города Чуака” [19, т. III, р. 230], столицы государства Чикинчель. По его словам, размеры городской округи, находящейся в подчинении у столицы, не превышали по радиусу в среднем 2-3 лиги, или 10-15 км. Таким образом, одно майяское государство представляло собой “ном”, город-государство, по сути состоявшее из столицы и подчиненных ей больших и малых селений, образующих округу, по размерам не превышавшую одного дня пути из конца в конец.

К моменту испанского завоевания зона расселения майя являла собой территорию, где были расположены около 20 небольших индейских государств. Каждое из них называлось у майя “кучкабаль”, что испанцы переводили как “провинция” [8, с. 173-175], хотя этот перевод не проясняет сути термина. В.И. Гуляев составил таблицу для сравнения провинций, их территории и населения по налоговому цензу 1549 г., учитывающую резкую убыль населения майя (почти вдвое) с момента Конкисты. Согласно этой таблице, размеры майяских государств были от 1,2 до 9 тыс. кв. км., население – от 30 до 120 тыс. человек. Самыми крупными из них были провинция Купуль (площадь 9 тыс. кв. км., общее число жителей к моменту завоевания – около 100 тыс. чел.) и провинция Мани (8 тыс. км², 65-120 тыс. чел.). В их столицах проживало в XVI в. от 10 до 12 тыс. человек [4, с. 57].

По мере развития и укрепления этих государств все отчетливее наблюдается тенденция к усилению этих сравнительно мелких территориально-политических единиц, их объединению в более широкие, хотя и неустойчивые государственные образования, когда один более сильный “ном” путем завоевания, династических браков, политических интриг, союзов и т.д. подчиняет себе несколько других, заставляя их выплачивать дань. Такие более крупные государственные объединения отнесены отечественной историографией к “территориальным царствам”, представлявшим собой конгломерат автономных политических единиц, где более слабые “номы” обязаны были “данию или военной помощью более сильному центральному государству” [5, с. 6]. Кроме того, нужно указать, что “территориальные царства” образовывались, как правило, в пределах проживания одного народа, т.е. были этнически однородны.

В истории майя X-XVI в. такие мелкие города-государства по крайней мере дважды объединялись в рамках одного “территориального царства”: в X-XI вв. большая часть Юкатанского полуострова была захвачена пришельцами – тольтеками, столицей которых стал город Чичен Ица, и образование это получило название гегемонии Чичен Ицы; а в XIII-XV вв. вся эта область была подчинена династией майя-тольтекских правителей Кокомов, чьей столицей был город Майяпан, хотя в индейских хрониках этот период называют “Лигой Майяпана”, правлением союза трех городов – Майяпана, Ушмаля и Чичен Ицы. Правители Кокомы все больше узурпировали власть в союзе. По сообщению Эрреры, Коком, с помощью наемных отрядов из Мексики “терроризировал всю страну и стал превращать в рабов бедных людей” [23, *p.215*]. Те же сведения сообщает и Ланда: “Он угнетал бедных и многих обратил в рабство... Он начал тиранствовать и обращать в рабство простой народ” [9, *c.118*]. Высказывался об этом и Алонсо Понсе: “Старые индейцы говорят, что Шив с помощью других вождей убил Кокома, который был величайшим сеньором и более значительным, чем он. И чтобы сделать это, он возмутил их против него, рассказав им и заставив поверить, что Коком тайно продавал местных индейцев иноземным торговцам” [27, *p.354*]. Это вызвало широкое недовольство в землях майя, которое вылилось в восстание против Кокомов. Союз распался на составные части, которые через 80 лет были завоеваны испанцами. Таким образом, дальше ступени создания “территориального царства” майя не пошли. Тенденция к созданию более устойчивых крупных территориальных объединений проявилась и в майяской государственной жизни, но их развитие было насильственно прервано.

Испанские “хронисты Индий” в своих трудах затронули множество проблем, связанных с административной системой и иерархией властных структур в майяских городах-государствах. Однако их сведения довольно отрывочны и неполны. В качестве исключения из этого правила можно назвать Диего де Ланда, автора наиболее полного описания всех сторон общественной жизни майя, где анализ современных ему событий сочетается с глубоким экскурсом в историю этих земель.

Главным же достоинством всего комплекса свидетельств, оставленных нам испанскими хронистами, мы считаем тот факт, что именно благодаря им на примере майяской цивилизации мы можем в достаточной мере проследить весь путь развития единоплеменной государственности от времен военной демократии до сложения “территориальных царств” в подробностях, которые невозможно было бы установить при изучении древней истории Старого Света. Из этих сведений, сочетаемых с данными других источников, можно сделать следующие выводы.

На территории полуострова Юкатан к XVI в. существовало около двадцати самостоятельных городов-государств. Каждое государство имело достаточно простую систему управления. Во главе административной иерархии стояли на ранних этапах четыре соправителя, один из которых являлся верховным. Власть его была ограничена. Затем, после тольтекского завоевания в X в. верховная власть усиливается, что сопровождается уменьшением числа соправителей. За сто лет до Конкисты соправительство как институт власти вообще исчезает. Власть халач виника становится абсолютной; в его полном подчинении состоял государственный бюрократический аппарат. Из традиционных ведомств, характерных для обществ Древнего Востока, здесь мы наблюдаем только организацию по сбору налогов, состоявшую из кальява, батабов и ах куч кабов, военную организацию, состоявшую из верховного правителя, батабов и наконов, и судебную систему.

Основной единицей налогообложения и базовым структурным элементом в государстве была территориальная община, состоявшая из патриархальных домовых общин. Сельская община являлась главным производителем материальных благ, при этом оставаясь замкнутым, самодовлеющим организмом, имевшим характер натурального хозяйства. Она имела самоуправление в виде совета четырех ах куч кабов. Сельские территориальные общины, как и столичный центр, имели поквартальное четырехчленное (или кратное четырем) административное деление, что связано с племенными традициями.

Государство состояло из столицы с подчиненными ей территориальными общинами. Размеры таких городов-государств не превышали в диаметре одного дня пешего пути. Начиная с X в. наблюдается тенденция к укрупнению этих “номовых” государственных образований и созданию устойчивых “территориальных царств”. Хронисты сообщают нам, что в истории майя постклассического периода по крайней мере дважды образовывались такие державы. После распада последней державы на Юкатанском полуострове начали создаваться условия для следующего этапа централизации.

Главной особенностью системы управления государством был сильнейший отпечаток первобытных общинно-племенных традиций. В структуре верховной власти к XVI в. эти традиции практически прекратили свое существование, однако во всей остальной административной системе следы фратриальности ощущаются в полной мере. Кроме того, на развитие государственности майя не могло не повлиять отсутствие верховных животных, в связи с чем размеры подчиненной территории были крайне невелики и не могли позволить накопление достаточных сил и средств для создания и тем более удержания под своей властью крупных

государственных образований, могущих конкурировать с известными державами Древнего Востока. Поэтому можно отметить, что государственная организация майя, в силу некоторых географических особенностей занимаемых земель (отсутствие тягловых животных, а также металлических руд), надолго задержала в себе древние племенные традиции и имела раннеклассовый характер.

Источники и литература

1. Бородатова А.А. Изображения на керамике майя как историко-этнографический источник // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики. – М., 1985. – С.62-84.
2. Гуляев В.И. Города-государства майя. – М., 1979.
3. Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. – М., 1972.
4. Гуляев В.И. Типология и структура древних государств Мезоамерики // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики. – М., 1985. – С.52-63.
5. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. “Номовые государства”, “территориальные царства”, “полисы” и “империи” // Вестник древней истории. – 1982. -№ 2. – С.3-10.
6. Кинжалов Р.В. Культура древних майя. – Л., 1971.
7. Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. – М.-Л., 1975.
8. Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. – М.-Л., 1963.
9. Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. – М.-Л., 1955.
10. Пополь Вух. Родословная владык Тотоникапана. – М.-Л., 1959.
11. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. – М., 1964.
12. Acosta J. de. Historia natural y moral de las Indias, en que se tratan las cosas notables del cielo, elementos, metales, plantas y animales de ellos; y los ritos, ceremonias, leyes, gobierno de los Indios. – Barcelona, 1591.
13. Annales de Cachiuels. The Titles of Totonicapan. – Norman, 1953.
14. Avedan'o y Loyola A.de.Relacion de las dos entradas que hize a Peten Itza // Means P. History of Spanish conquest of Yucatan and of Itza. – Cambr., Mass., 1917.
15. Chi G.A. Relacion sobre los costumbres de los Indios // Tozzer A.M. Landa's Relacion de cosas de Yucatan. – Cambr., Mass., 1941.
16. Ciudad Real A. de. Diccionario de Motul: Maya-Espan'ol. – Merida, 1929.
17. Ciudad Real A. de. Relacion breve y verdadera de algunas cosas... en las provincias de la Nueva Espan'a. – 2 tt. – Madrid, 1875.
18. Elorza-y-Rada F. de. A narrative of conquest of the province of the Itzas in New Spain. – Cambr., Mass., 1935.
19. Fernandes de Oviedo-y-Valdes G. Historia general y natural de las Indias, islas de Tierra Firme del Mar Oceano. – 3 tt. – Madrid, 1875.
20. Fuentes-y-Gusman F.A. de. Historia de Guatemala o recordacion Florida escrita el siglo XVII. – 2 tt. – Madrid, 1882-1883.
21. Gates W.E. Yucatan Before and After the Conquest, by Friar Diego de Landa, With Other Related Documents // Maya Society. – Publication No. 20. – Baltimore, 1937.

22. Hagen V.W. von. World of Maya. – N.Y., 1960.
23. Herrera-y-Tordecillas A. de. Historia general de los hechos de los Castellanos, en las islas de Tierra Firme del Mar Oceano. – 9 tt. – Madrid, 1726-1730.
24. Las Casas B. de. Apologetica historia summaria. – Madrid, 1909.
25. Lizana B. de. Historia de Yucatan. – Mexico, 1893.
26. Lopez Cogolludo D. Historia de Yucatan. – 2 tt. – Mexico, 1893.
27. Ponce A. Relacion breve y verdadera de algunas cosas de las muchas que sucedieron en las provincias de Nueva Espan'a. – 3 tt. – Madrid, 1873.
28. Relaciones historico-geograficos de Yucatan. – 2 tt. – Madrid, 1898-1900.
29. Roys R.L. Political Geography of the Yucatan Maya. – Washington, 1957.
30. Torquemada J. de. Monarquia Indiana. – 3 tt. – Mexico, 1943-1944.
31. Tozzer A.M. Landa's Relacion de cosas de Yucatan. – Cambr., Mass., 1941.

С.С.Андрєєва

ДО ПИТАННЯ ПРО ЗАПОРОЗЬКО-ТАТАРСЬКІ ВЗАЄМИНИ ПЕРІОДУ НОВОЇ СІЧІ

Взаємини запорожців з південними сусідами – Кримським ханством, ногайськими ордами та очаківськими турками довгий час висвітлювалися однобічно, з точки зору довічного протистояння християнського та мусульманського світів. Це не відображає всієї складності, взаємовпливу двох порубіжних суспільств, які довгий час співіснували на кримській території (Олешківська та Задунайська Січі). Таке сусідство було постійним чинником існування Січі? і тому не можна розглядати будь-які моменти історії Запоріжжя без урахування цього фактора. Зупинимось докладніше на одній з актуальних проблем української історіографії – ліквідації Січі російським урядом у 1775 р., і саме на зовнішньополітичному аспекті цієї акції. Загальноприйнята точка зору полягає в акцентуванні втрати Запоріжжям свого значення як форпосту у боротьбі з Кримом та Туреччиною після перемог російської армії та підписання Кючук-Кайнаджійського миру (1774). На нашу ж думку, таке рішення російського уряду впливає з самого характеру запорозько-татарських взаємин періоду Нової Січі (1734-1775).

Запорізька Січ до останніх часів свого існування певною мірою зберігала статус суб'єкта міжнародного права. Кошовий, січова та навіть паланкова старшина мали право дипломатичного листування з офіційними особами сусідніх держав (Кримським ханством, Польщею) з приводу прикордонних справ. Це свідчить про високий ступінь автономії Запоріжжя як в межах Російської імперії, так і України (таке